

Выбор этой эпохи в жизни Иоанна, в оценке которой единодушно сходились политики, поэты и историки XVIII в., был сделан Херасковым свободно и сознательно. Казанский поход представлялся ему событием такого рода, в котором с особенной силой и полнотой проявилось единство нации, сплотившейся вокруг царя, под эгидой самодержца, разумно понимающего свои права и обязанности: «Воспевая разрушение Казанского царства, со властью державцев Ордынских, я имею в виду успокоение, славу и торжественную победу *всего российского государства*, знаменитые подвиги не одного государя, но *всего российского воинства* и возвращенное благоденствие не одной особе, но *всему отечеству*, почему сие творение и названо „Россиядой“ (курсив наш, — И. С.)».⁷ Определив пафос поэмы в целом, Херасков формулирует свое отношение к тем, кто, по его мнению, является движущей силой событий: «Представляю младого монарха из мрака слабостей в сияние славы облекшегося... Прославляю совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, его вельможей и всего российского воинства».⁸ Из этих слов поэта видно, что, по его мнению, «верность и любовь к отечеству» князей и вельмож, служивших Иоанну, является тем средостением, без которого невозможно было бы добиться единства нации и победы над Казанским царством.

Насколько совпадала точка зрения Хераскова с общей концепцией его источников? «Казанский летописец» насквозь проникнут идеей прославления самодержавной власти. Инициатива самого похода и благополучного в конце концов его завершения исходит только от царя. Князья или во всем ему покорны и всецело подчиняются, или, в самом крайнем случае, сетуют на трудности похода и советуют увести войска, но и тут Иоанну легко удается преодолеть их сопротивление.⁹ Самый характер отношений между царем и боярами для автора «Казанского летописца» не является проблемой; он считает, что самодержавный порядок, единовластие уже установилось прочно и незыблемо: царь предлагает — бояре одобряют и поддерживают. Никакого обсуждения, никакого раскола мнений среди боярства автор «Казанского летописца» не знает и о нем не говорит.

Между тем для Хераскова в русских сценах и эпизодах «Россияды» отношения между царем и вельможами определяют собой весь ход событий поэмы и представляются поэту самой важной политической проблемой русской истории вообще.¹⁰

В таком отношении к проблеме вельмож, советников царя, его ближайшего окружения, к фактическим вершителям власти русских царей после Петра Херасков — несомненный ученик и продолжатель Сумарокова, в трагедиях которого судьбы царей и царств определяются борьбой добродетельных и злых, коварных советников. Продолжая в этом смысле сумароковскую разработку и художественное изучение политических проблем русского самодержавия как особой политической системы, Херасков обратился к тому древнерусскому автору, у которого он мог найти и любопытную психологическую характеристику будущего героя «Россияды» — Иоанна, и талантливую, хотя и пристрастную оценку значения единства царя с боярами в допричинный период правления Грозного, — к князю Андрею Курбскому и его «Истории великого князя московского». Так, ни в одной из редакций «Казанского летописца» нет речи

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: В. Л. Комарович. Казанский летописец. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 465—466; Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 266—288.

¹⁰ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 197—198.